

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

С семейной расстановкой я познакомился в 1998 году на семинаре под руководством Габриэллы Боркан и был до глубины души поражен целительной силой этого метода. Впечатленный и увлеченный системной работой, я стал регулярно принимать участие в семинарах этой ведущей и других тренеров. И уже вскоре мое внимание обратил на себя тот факт, что, говоря вводные слова про эту работу, большинство ведущих всякий раз произносили одну короткую фразу. В какой-то момент их объяснений по поводу системы звучало что-то вроде: *«Вследствие процесса, которого мы не понимаем, заместители членов семьи клиента испытывают чувства реальных людей, которых они представляют в расстановке»*. Мне показалось странным, что все ведущие говорили примерно одно и то же. Почему все они были неспособны объяснить этот существенный аспект процесса расстановки?

Поскольку сам я уже много лет практиковал шаманскую работу, семейные расстановки совсем не казались мне такими таинственными. Поэтому в качестве эксперимента для себя самого я стал максимально точно отслеживать динамики процессов в расстановках и пытаться описывать их как шаманские феномены. Я думал, что таким путем, возможно, в какой-то момент сумею найти полезные объяснения и дать ответы на пока еще открытые вопросы, что позволит лучше понять процессы, происходящие в этом виде системной работы.

Через какое-то время мне приснился такой сон: я был один где-то на природе, там были горы, скалы и деревья. Я шел по этой местности, которая состояла не из настоящей физической материи. Я понял, что

это скорее особая область в мире энергии, форма которой сложилась из теоретических структур человеческого мышления. Я находился в поиске теоретической основы энергетических и духовных аспектов системной работы Берта Хеллингера. Я знал, что эта теория выгравирована где-то здесь на камне или, лучше сказать, что она в форме некой естественной структуры представляет собой часть ландшафта.

Через некоторое время я подошел к красивой, просторной пещере. Солнечный свет проникал сквозь трещины и дыры в ее своде, а на ровном, гладком полу лежало множество плоских обломков скальной породы. Большинство из них имели от пятнадцати до тридцати сантиметров в длину и ширину, и все они были неправильной формы. Я различал камни разных размеров, цветов и пород. Я знал, что эта куча материала представляла собой теорию системно-феноменологической работы, какой она была на момент моего сна. Я видел, что лежащие на полу камни были обломками других, более крупных камней. Когда я попытался по ним пройти, мои шаги стали очень неуверенными, поскольку камни лежали в беспорядке. Их края неплотно прилегали друг к другу, и стоило мне на них наступить, как одни отъезжали в сторону, а другие шатались или бились друг о друга.

Во сне я осознал, что место, которое я открыл, могло бы претерпеть некоторые улучшения. Если бы люди в своих снах или мыслях пришли сюда, чтобы его исследовать, они бы не нашли там целостной структуры. Было очевидно, что теория системно-феноменологической работы требует улучшений. Улучшение теории сразу повлекло бы за собой улучшение структуры камней на полу пещеры в этом другом мире. На мой взгляд, самым важным в новой структуре было то, что она должна была состоять не из разных фрагментов, а из одного особого материала. Перед моим мысленным взором я видел большую, гладкую и ровную каменную плиту, пусть с разными цветовыми комбинациями и структурами, но все же целую.

Затем я проснулся.

На момент этого сна я уже состоял в активной переписке с Бертом Хеллингером, создателем семейных расстановок. После того как я принял участие в нескольких его семинарах, он порекомендовал мне определенные упражнения. Через несколько месяцев после этого я пережил трансформирующий духовный опыт, напрямую связанный с указаниями Хеллингера, и чуть подсказало, что мне следует написать ему об этом. Этот опыт я описал в главе 6, которая называется «Опыт вневременности».

За первым письмом последовало множество других. Я стал записывать некоторые мои мысли по поводу процессов расстановок, которые основываются на определенных духовных принципах и составляют в том числе основы шаманской работы. Задним числом я понимаю, что сон был тем моментом, когда мне стало ясно, что наша переписка приведет к тому, что я должен буду написать на эту тему книгу.

Многие аспекты семейной расстановки уже были достаточно полно описаны разными авторами на языке психотерапии, психологии или генеалогии. У каждого из этих научных языков свои отправные точки и предположения о реальности, и соответственно, каждый направляет фокус внимания на определенные аспекты, в то время как другие остаются неназванными. У каждого языка есть свои слепые пятна. Тот факт, что важные части расстановочной работы до сих пор остаются для многих тайной, еще не означает, что речь действительно идет о не поддающихся описанию феноменах. Гораздо скорее это объясняется тем, что языки, которые, с одной стороны, хорошо подходят для аккуратного описания скрытых динамик в семьях, выходящих на поверхность благодаря расстановкам, с другой стороны, просто не годятся для объяснения тех энергетических принципов, которые позволяют одному человеку замещать другого.

Мой сон вдохновил меня на то, чтобы представить связную теорию энергетических динамик расстановки на языке шаманизма — отправной точки, которая пока не использовалась для объяснения системно-феноменологической работы. Разумеется, у этого языка, как и у любого

другого, тоже есть свои слепые пятна. И все же он может оказать большую помощь с некоторыми объяснениями, особенно в том, что касается природы души и ее движений, области, которую другим языкам до сих пор удавалось объяснить неполно или не удавалось совсем.

Западные научные языки дают аналитические объяснения. Шаманский же язык обычно не объясняет, а просто описывает, а это нечто принципиально иное. С помощью шаманского языка можно описать не только опыт, полученный через органы чувств физического тела, но и опыт души.

В традиционном шаманизме точное описание духовного опыта само по себе считается достоверным объяснением. Шаман или знахарь будет описывать самые разные виды духовного и практического опыта, а потом предоставит слушателю найти между ними связи и структуры. Кто, не вступая в дискуссию, не задавая вопросов и не анализируя, будет слушать традиционного шамана, тот со временем обнаружит некие паттерны. Глубинные структуры реальности можно почувствовать. Обучение у шаманов и знахарей очень отличается от изучения новых формул или определенных техник в школе. Ученик шамана получает возможность услышать детальные описания реальности, а потом ему приходится делать собственные выводы.

Мой первый контакт с шаманизмом состоялся в 1979 году, когда я встретился во сне с одним индейским целителем. Он несколько не соответствовал общепринятому романтическому представлению об индейце. У него были короткие седые волосы, одет он был в джинсы и дождевик. Он не пользовался бубном, не украшал себя перьями или другими атрибутами. Там, где я его встретил, было очень мало света. Он просто сел рядом со мной на землю и запел песни исцеления. Через какое-то время он пригласил меня петь вместе с ним. Но я был слишком робок и слишком тронут его песнями, чтобы присоединиться к его пению. Заметив это, он просто на какое-то время положил мне на спину свою руку. Несколько мгновений спустя он сообщил, что ему пора уходить. Мы попрощались, и я проснулся.

Этот сон мне приснился, когда мне было шестнадцать, это был насыщенный период моей жизни с серьезными проблемами и множеством неясностей. Я знал, что тот сон был подарком некой неизвестной реальности, и никому о нем не рассказывал. Эта встреча вселила в меня уверенность и силу, которая была мне необходима в то время, чтобы справляться с проблемами. Даже сегодня я все еще чувствую у себя на спине тепло от прикосновения руки того шамана и продолжаю черпать силу из этого образа.

Через два года после этого сна я заболел острой малярией и был на волосок от смерти. Вскоре после выздоровления у меня снова произошла встреча с шаманом. Однажды я спал и во сне проснулся. Рядом с моей кроватью стоял арктический шаман, одетый в коричневую кожаную парку. На мое удивление, он представился мне как мой учитель. Он велел мне выйти из моего тела и подняться с постели, что у меня даже каким-то образом получилось. Затем я был подвергнут некоторым испытаниям, поскольку учитель хотел выяснить, насколько я силен. Не думаю, что мне удалось сильно его впечатлить. Как бы то ни было, но после этого сна мне постоянно снились новые, в которых мне являлись учителя и духи-помощники, чтобы чему-то меня учить. Так очень естественно и постепенно шаманизм вошел в мою жизнь.

Когда меня уже несколько лет обучали во сне духи-помощники, я совершенно случайно встретил одного традиционного индейца, обладавшего обширными знаниями о природе человеческой души и о том, как ее лечить, если она больна. Он пригласил меня путешествовать вместе с ним. Еще через несколько лет я удостоился чести быть приглашенным в дома традиционных шаманов. Так я смог присутствовать при проведении ими церемоний и исцелений. Некоторые из них поощряли меня тоже обратиться к этому виду работы, разговаривать с духами-помощниками и интерпретировать их сообщения для находящихся в беде людей, чем я главным образом и занимаюсь с 1992 года.

Но я не считаю себя шаманом или знахарем. Скорее я описал бы себя как человека, который взял на себя внутреннее обязательство изучать шаманизм. Несмотря на то что я уже двадцать лет чувствую свою с ним

связь, я знаю, что мое понимание шаманских практик никогда не будет совершенным. В шаманизме всегда находится множество вещей, которые мне еще только предстоит освоить и осознать заново.

В этой книге я бы хотел остановиться на некоторых вопросах, которые выкристаллизовались по ходу развития системной работы Берта Хеллингера и пока не получили достаточного ответа: как возможно, что заместитель, практически ничего не зная о расставляемой семье, в расстановке способен почувствовать и выразить суть отношений между ее членами? Что конкретно происходит в этот момент?

Все эти вопросы относятся к «процессу, которого мы не понимаем», как говорит большинство из тех, кто проводит расстановки. Но наряду с этими есть и другие вопросы, которые требуют прояснения. В семейной расстановке ставятся не только живые, но и умершие члены семьи. Теперь уже общепризнан тот факт, что расстановка оказывает целительное действие как на клиента, так и на живых членов его семьи, которые ставились в расстановке. Но не могут ли расстановки исцелять и мертвых? Эти и другие вопросы заслуживают тщательно сформулированных ответов.

Читателю следует знать, что мое использование шаманского языка — это всегда что-то очень личное. Мой шаманский язык сформировался на основе моего собственного личного опыта и понимания. Так что я не представляю им ни какого-то отдельного шамана-учителя, ни какую-то конкретную традицию или культуру. Кроме того, некоторых читателей, знакомых с современным западным шаманизмом, вероятно, удивит то, что многие мои описания шаманских практик и процесса расстановки преимущественно очень технические. Дело в том, что на меня оказали влияние традиционные шаманские учителя, а все шаманы, которых я встречал, оказывались чистейшими техниками. С традиционной точки зрения шаманизм — это наука. Но такая наука, которая исследует законы природы, в глазах западной науки считающиеся неизмеримыми, поскольку они выходят за рамки физической материи.

В начале 2000 года постоянные поиски возможностей дальнейшего развития расстановочного метода привели Берта Хеллингера к некоторым изменениям в роли как расстановщика, так и заместителей. С тех пор так называемые движения души выросли в самостоятельное направление системно-феноменологической работы наряду с семейной расстановкой. С шаманской точки зрения между этими двумя методами существуют некоторые принципиальные различия. Настоящая книга писалась применительно только к семейной расстановке, так как на сегодняшний день исследование движений души еще настолько в процессе, что, на мой взгляд, было бы преждевременно включать в нее какие-либо наблюдения в их отношении.

В своей книге я стремлюсь в первую очередь к пониманию движений души в процессе расстановки. Описание динамик и переплетений в семьях я лучше предоставляю Берту Хеллингеру и другим авторам, таким как Гунтхард Вебер или Хантер Бомон. Читателям, желающим больше узнать о переплетениях членов семьи, лучше обратиться к их книгам. Я же описываю область переплетений лишь постольку-поскольку, когда это позволяет мой собственный опыт и шаманский язык.

Я писал эту книгу не с целью предоставить читателю полноценное описание процесса расстановки или шаманской практики. Скорее я намеревался использовать мое понимание шаманизма, чтобы исследовать и прояснить некоторые энергетические и духовные аспекты семейной расстановки, которые до сих пор не получили достаточного объяснения.

Я бы хотел, чтобы моя работа помогла людям лучше понять динамики, которые становятся возможными благодаря расстановке, и чтобы образы, которые я использую для описания души, тронули читателя таким образом, чтобы его собственная душа поняла их ценность для себя самой.

В заключение я хочу поблагодарить тех, кто оказал непосредственное влияние на эту книгу. В первую очередь я выражаю благодарность Берту Хеллингеру, чьи ответы на мои письма побудили меня еще

глубже исследовать связь между шаманской работой и семейной расстановкой, в результате чего была написана эта книга.

Во-вторых, я благодарю моих учителей шаманизма как в физическом, так и в нефизическом мире, которые дали мне возможность учиться, а моему духу и моей душе — расширяться.

Далее я благодарю всех ведущих семинаров по семейной расстановке, в которых я участвовал. Прежде всего, я благодарю Габриэлле Боркан. Также я хотел бы поблагодарить Яна Якоба Стама, Петера ван Зуйлекома и Оттелину Ламет, в семинарах которых мне удалось поучаствовать на разных этапах моей исследовательской работы.

И наконец я выражаю особую благодарность Оскару Давиду, который не только постоянно поощрял меня писать дальше, но и буквально усаживал за работу. По многим причинам без него я бы эту книгу не написал.

*Даан ван Кампенхаут
Июль 2001*

Глава 1

ОПИСАНИЕ ШАМАНСКОЙ И СИСТЕМНОЙ РАБОТЫ

Шаманские практики и системная работа — два комплексных феномена, о которых можно было бы написать и о которых уже написано множество книг. В настоящей книге описываются отношения различных аспектов шаманских ритуалов и семейной расстановки. Благодаря этому у читателя будет складываться все более наглядное и ясное представление об этих дисциплинах. Но, прежде чем приступить к их сравнению, я хотел бы дать краткое описание шаманизма и семейной расстановки, чтобы предоставить отправную точку читателю, который пока с ними не знаком.

Шаманизм — это понятие, используемое в антропологии. Изначально им описывались духовные традиции и практики различных этнических групп из Сибири, Монголии, Лапландии, а также некоторых частей Аляски и Канады. Поскольку традиционные духовные практики разных кочевых племен арктической и субарктической зоны Северного полушария очень отличаются между собой, я могу представить здесь только их упрощенный и обобщенный обзор.

Ключевая концепция шаманизма заключается в том, что мир, в котором мы живем, — лишь один из многих. Разные миры рассматриваются как части вертикально стратифицированной Вселенной. Они связаны друг с другом проходящей сквозь них осью, которую часто называют

Мировым Древом. Мы находимся в среднем мире, над нами — верхние миры, а под нами — нижние. Эти другие миры населяют разные виды духов. Это духи великих сил природы, например четыре духа четырех сторон света или духи гор, морей, грома. Помимо них, существуют духи животных, растений и души или духи умерших людей, а также более мелкие духи природы, в том числе сущности, которых в Западной Европе называют эльфами или гномами. Согласно шаманской традиции, одни духи ведут себя как учителя и помощники, в то время как другие людьми не интересуются, а некоторые даже настроены по отношению к нам враждебно и могут быть агрессивны.

Шаманские нижние и верхние миры нельзя сравнить с концепцией христианского рая и ада. В верхних мирах можно найти как места мудрости, так и места, где духи пытаются искушать и сбивать людей с их пути. В нижних мирах есть не только множество мест жизненной энергии и силы, но и областей, где можно заболеть, заблудиться или застрять. Разные миры находятся в постоянном взаимодействии друг с другом. Они накладываются друг на друга и в некоторых отношениях сливаются, символически объединяемые Мировым Древом. Эти три мира можно представить себе как множество слайдов, проецируемых на экран друг поверх друга.

Поскольку нижний, средний и верхний миры тесно сплетены друг с другом, существует возможность перемещаться из одного мира в другой. Шаман пользуется этим, чтобы помогать людям, попавшим в тяжелое положение или страдающим от болезней. В других мирах он пытается найти информацию или целительные силы. Когда нужна помощь, духи-помощники часто могут оказать ценную поддержку. Многие духи-помощники видят, что происходит в нашем мире, и поэтому могут давать советы из своей перспективы. Традиционно роль шамана — устанавливать контакт и разговаривать с духами. Делать это он может, войдя в состояние транса. Тогда он может либо совершить путешествие в другие миры, чтобы поговорить с духами, либо призвать духов к себе и пообщаться с ними таким образом.

Изначальный шаманизм множеством признаков отличается от других традиций, которые тоже устанавливают контакт с духами, чтобы получать от них информацию или помощь. Если страдающий человек попросил шамана о помощи, то для разговора с духами-помощниками тот облачается в шаманский костюм. Традиционные костюмы сибирских шаманов выглядят очень впечатляюще: они изготовлены из кожи, ткани и железа и сплошь покрыты изображениями духов-помощников и животных. Со своей тяжелой бахромой из кожаных ремней и веревок из ткани (которые называются змеями) одеяние шамана может весить до двадцати или даже тридцати килограммов. Танцуя в своем костюме, шаман быстро устает и впадает в транс. Входя глубже в состояние транса, шаман поет импровизированные песни, состоящие из слов и звуков животного мира. При этом он отбивает монотонные ритмы на большом, плоском бубне. Когда транс становится достаточно глубоким, шаман может общаться с духами-помощниками.

В Сибири шаманизм едва пережил советский период. В 1930-е годы коммунистическая партия организовывала кампании против шаманов, которых она называла «врагами народа». Сталинские годы стали фатальными: большинство шаманов было убито, многие погибли в лагерях. Только в очень отдаленных областях оставались люди, продолжавшие шаманские практики. Сегодня, после падения Советского Союза, во многих областях Сибири, прежде всего в Южно-Сибирском регионе, можно наблюдать возрождение шаманизма. Однако прямая связь со старой традицией была нарушена, и то, что сегодня называется шаманизмом, — лишь реконструкция из осколков того, чем это было когда-то.

Духовность коренных народов Северной Америки тоже находится в тесном родстве с традиционным шаманизмом. Однако между ними и практиками народов из более северных областей имеются существенные различия. По сравнению с трансами индейских знахарей, трансовые состояния сибирских шаманов более зрелищны и динамичны. Их песни представляют собой импровизацию, в отличие от исцеляющих песнопений в индейских традициях, где используются определенные слова

и мелодии. Кроме того, североамериканские знахари редко носят или совсем не носят шаманские костюмы. Тем не менее духовная традиция индейцев тоже называется шаманизмом. Их взгляд на духов, на мир духов и способ общения с ними, по сути, такой же, как у народов Сибири.

На Западе большинство людей используют сегодня слово «шаманизм», чтобы описать не форму, а *содержание*. Его используют, чтобы обозначить сознательные отношения с духами-помощниками. Благодаря этому новому определению, своего рода шаманами становятся и австралийские аборигены, и африканские прорицатели, и балинезийские трансовые медиумы, и еще многие другие люди. Почти любой чужеземный метод исцеления, который (был) в тесном контакте с землей, многими на Западе называется сегодня шаманизмом. Однако изначально понятие «шаманизм» обозначало определенную *форму* общения с духами. Как сказано выше, она включает в себя шаманский костюм, импровизированные песни и использование бубна. Так что, когда я говорю о «традиционных шаманах», я имею в виду сибирских и монгольских шаманов и еще североамериканских знахарей. Тем самым я придерживаюсь скорее старого антропологического определения, которое относится только к духовным практикам народов северного полярного круга и субарктической зоны.

В любой духовной традиции качество работы зависит от того, кто ее практикует. Как среди христианских священников, иудейских раввинов или мусульманских имамов бывают и люди высокой души, и люди, скорее ограниченные в понимании духовных принципов своей религии, так и по-настоящему великие шаманы практикуют наряду с другими, которых, по сути, можно назвать некомпетентными и немудрыми. При этом на Западе образ шаманизма превратился в своего рода мистический идеал.

Однако, на мой взгляд, реальность выглядит иначе, чем эта оптимистическая желаемая картина. Слово «шаманизм» часто используется как синоним таких понятий, как мудрость, истина, чистота, ненасильственность, экология и духовная гармония. Я бы хотел, чтобы это было

так, но мой опыт научил меня тому, что это не так просто. Наверняка существуют отдельные шаманы, воплощающие в себе какие-то из этих качеств, но это вовсе не означает, что так можно смотреть на всю шаманскую культуру в целом. Для меня шаманизм — не мечта из добрых старых времен, а духовный язык. Люди, имеющие к нему способность, могут выучить его быстрее и овладеть им лучше, чем другие, но в какой-то мере выражать себя с его помощью может научиться каждый.

Перейдем к семейной расстановке. Семейная расстановка была разработана Бертом Хеллингером как часть его работы с системными решениями. Расстановка — это метод, позволяющий разбираться с приводящими к проблемам событиями семейной истории. Это не прямая форма психотерапии. В психотерапии ищут корни проблем, например негативное представление о себе самом. На психотерапии в другом свете рассматривается тяжелый опыт из детства или другие травматические переживания. Это становится возможным, поскольку психотерапия работает с сознательными или бессознательными посланиями, которые человек получал в процессе взросления. Например, тот, кто постоянно слышал от матери, что он глуп, вырастает с посланием, что он не имеет (почти) никакой ценности. Если это чувство дополнительно усиливается другими негативными переживаниями, то оно приводит к появлению негативного образа «Я». В таком случае может помочь психотерапия.

Семейная же расстановка не занимается такими процессами. Эта форма системной работы имеет дело с семейными историями и событиями, которые личность часто даже не воспринимает. Такие события и тайны оказывают сильное влияние на качество нашей жизни и решения нашей души. Представьте себе женщину, которая после рождения первого ребенка потеряла двух или трех детей. Проходит много лет, и ее внучка не может родить ребенка. Психотерапевт не увидел бы никакой связи между двумя этими фактами. Но на семинаре по семейной расстановке ведущий направил бы свое внимание непосредственно на возможное переплетение между бабушкой и внучкой.

Знание, появляющееся в результате изучения тысяч расстановок, говорит о том, что такие события, как ранняя смерть детей бабушки, могут играть важную роль в качестве причины бесплодия ее внучки. Бессознательно, на уровне души, внучка взяла на себя судьбу бабушки.

Такую точку зрения представляет не только Берт Хеллингер и другие люди, работающие с семейными расстановками: в результате своих исследований к аналогичным выводам пришли и разные другие терапевтические и психоаналитические школы. На сегодняшний день уже многое известно о том, как значимые события могут приводить к негативным последствиям для членов семьи, родившихся через два, три или больше поколений после самого события. Особенность работы Хеллингера — это его метод расстановки семей и выводы, которые он из них делает.

Семейная расстановка проводится под руководством ведущего в группе. После короткой беседы с клиентом ведущий решает, кто из членов семьи важен для расстановки. Затем клиент выбирает для них заместителей среди других участников семинара. Он просит участников замещать в расстановке, например, его отца, мать, сестру или обоих братьев. Кроме того, он выбирает заместителя для себя самого. Люди, выбранные в качестве заместителей, могут отказаться от этой задачи, но в большинстве случаев они готовы помочь.

Затем клиент начинает расстановку. Ничего не говоря, он по очереди расставляет заместителей в пространстве группы. Оказавшись на своих местах, заместители испытывают особые, отчетливые ощущения и переживания. Например, младший брат чувствует свою близость с отцом и ненависть к старшему брату. Сестра чувствует себя посторонней, как будто она не часть семьи. Мать чувствует себя настолько уставшей, что буквально не держится на ногах и через две минуты опускается на пол. Клиент, чья семья здесь расставлена, удивлен реакциями заместителей. Дело в том, что его сестра на самом деле была совершенно сама по себе и семья ее не интересовала. Мать постоянно жаловалась и испытывала сильную усталость. Братья ненавидели друг друга, а младший очень любил отца.

Удивительно то, что в первичной беседе клиент не говорил об этих чувствах членов своей семьи. Больше того, ведущий пресекает рассказывание историй, кто что о ком думает, кто что чувствует или как оценивает. Важными считаются только фактические события, а не семейные истории или мифы вокруг них. Кто и как умер? У кого были важные отношения? Кто с кем был в браке? С кем произошел несчастный случай, кого исключили из семьи, у кого была другая тяжелая судьба? Во время расстановки ведущий наблюдает за языком тела и реакциями заместителей, чтобы таким образом понять существующие в семье динамики.

Когда структура стала ясна, ведущий ищет восстанавливающие баланс или исцеляющие движения, чтобы таким образом предложить альтернативу проявившимся переплетениям. Он может переставить кого-то из заместителей на другие места и наблюдать за реакцией, которую вызвала эта интервенция. Он может попросить одного из заместителей произнести ключевые фразы, выражающие то, что происходит или что должно быть сказано. Эти фразы коротки и в них часто есть что-то архаичное: «Теперь я вижу тебя как моего отца», «Я принимаю тебя как мою жену», «Я оставляю вину тебе», «Я соглашаюсь».

Иногда, чтобы найти решение, в расстановку добавляются заместители для других членов семьи. Весь процесс поиска решения иногда длится всего десять минут, а иногда — больше часа. Как правило, решение находится, но так бывает не всегда. В случаях, когда расстановка не приходит к решению, часто отсутствует решающая информация о ключевой фигуре в семье. Иногда ведущий чувствует, что у него нет разрешения на вмешательство. В таких случаях кажется, что семью сопровождает некое сознание, которое не позволяет расстановке развиваться дальше.

В конце расстановки клиента просят встать на его место, и тогда он сменяет своего заместителя. Но такой шаг нужен не всегда. Часто для клиента бывает достаточно уже просто побыть свидетелем рас-

становки и увидеть, как из старых переплетений и путаниц возникают новый порядок и гармония. Семейная расстановка — это единичное событие. Свою семью не расставляют каждую неделю на протяжении какого-то времени, как если бы расстановка была своего рода терапевтической сессией.

Может пройти год или больше, прежде чем станут ощутимы последствия расстановки. Многие клиенты рассказывают о решающих подвижках в сторону исцеления, произошедших после того, как они расставили свою семью, и напрямую связывают их (не только у себя, но и у других членов семьи) с расстановками.